

Геннадий
СМОЛИН

ТЕПЕРЬ присмотримся поближе к жене великого маэстро. Как утверждают современники, Констанца была поверхностной и легко поддающейся чужим влияниям женщиной. По всей видимости, в этот период она особенно раздражена своим мужем. Констанца не видела в Моцарте чего-то необыкновенного, из ряда вон, скорее всего считала его неудачником, который лживыми посулами заманил ее в такое эфемерное предприятие, как их брак. Эта слепота в отношении гениальности мужа у Констанцы не прошла и через пятьдесят лет. Когда гофрат из Оффенбаха Юлиус Андрэ посетил вдову в 1841 году (через пятьдесят лет после смерти Моцарта), то у него сложилось стойкое убеждение, «что она не вполне осознала гений Вольфганга Амадея». Разумеется, не нужно сбрасывать со счетов и то, что в течение всего замужества Констанца постоянно была беременной и, конечно же, грязные слухи о «распутной» жизни мужа доходили и до ее ушей. А тут еще будто бельмо в глазу — дружба мужа с братом по масонской ложе Францем Кофдемелем, а в особенности уроки на клавише с его молодой женой Магдаленой, ученицей маэстро. К тому же, как упоминалось выше, та считалась известной красавицей в столице и вдобавок — одаренной женщиной, обладающей богатым духовным миром. При случае Моцарт, возможно, дразнил Констанцу перспективой любовной интрижки с Магдаленой (скорее в ответ на ее неприкрытую связь с Зюсмайром). Этим он хотел показать: дескать, я могу обойтись и без тебя. Правда, с другой стороны, совершенно неверно было бы «попытался предоставить этот брак несчастливый». Подобный взгляд разделял бы и сам Моцарт, нежно любивший Констанцу и защищавший ее от нападок со стороны. Чего не скажешь о жене великого композитора. Многие исследователи показали в своих работах то, что Констанца просто не была способна на любовь в общепринятом смысле. Ее чувственная жизнь находилась в плоскости непосредственных ощущений, она отдавалась своим увлечениям, любила удовольствия. Ее привлекала жизнь в достатке и комфорте — естественное, конечно же, желание. И в этот период подворачивается Зюсмайр, который младше ее на четыре года. В нем она увидела возможную замену своему мужу-неудачнику, если хотите, то в ней, как и прежде, возобладали черты ее матушки Цецилии Вебер — примитивная выгода. Констанца быстро сошлась с Зюсмайром — душевно и физически, благодаря удивительной идентичности их характеров. Этому способствовали и в не меньшей мере незаурядные артистические данные провинциала из Кремсштета. Получив карт-бланш от А.Сальери, Зюсмайр активно развернул свою деятельность в последней квартире Вольфганга Амадея на Раунштайнгассе, в доме № 970 (сегодня — № 8), где скончался великий композитор. Судя по дальнейшему развитию событий, важнейшей целью его «агентурной» работы была, конечно же, Констанца. Как опора, а еще лучше — соучастник. Для полного успеха их гешефта он наверняка обещал ей золотые горы, распространяясь о том, что императорский и придворный капельмейстер предрек стопроцентный успех его блистательной карьеры при кайзеровском дворе. Только немного усилий, чуть-чуть терпения — и fortuna у них в кармане!

Разумеется, нельзя исключить и того, что Зюсмайр и Констанца, родившая ему ребенка 26 июля 1791 года (Франц Ксавер Вольфганг), вместе планировали смерть Моцарта. Хотя в июне 1791 года она еще не была посвящена в курс заговорщиков и сама говорила о том, что ее муж (со слов Вольфганга Амадея) дал яд. Надо отметить, что в те годы «средневековая аптека» для «порчи», а то и ликвидации того или иного лица работала исправно. Благодаря яду были устранены с политической сцены Леопольд I, Алессандро Медичи, Кондорсе. То есть ничего экзотического в этом европейцы в восемнадцатом столетии не видели. Так и в нашем случае. Через несколько недель Констанцу каким-то образом проинформировали о том, что Моцарту систематически вводится некое «обворотное» или «отворотное» зелье. Об этом факте можно судить косвенно: поведение ее резко изменилось и она устроила к тому же серию отвлекающих маневров и ряд инсценировок — в духе несравненной матушки Цецилии

Окончание. Начало в № 34.

ЗАТАДКА СМЕРТИ ВОЛФГАНГА АМАДЕЯ МОЦАРТА

Констанца Моцарт. Литография.

Вебер. Ну а дальше — больше! Констанца не проводила гроб с телом мужа в последний путь, а притворилась больной, хотя была совершенно здорова (у нее даже не было признаков печали). Тем самым она избежала всех хлопот, связанных с погребением Моцарта. Были устроены нищенские проводы знаменитого маэстро, несмотря на возможность вполне нормального погребения. Моцарта похоронили, как последнего бродягу, в общей могиле 6 декабря. Констанца так и не попрощалась с покойным ни на кладбище, ни при отпевании, ни у могилы. Несколько недель спустя гроб (просто мешок с телом) невозможно было найти среди других таких же гробов (мешков в общей могиле), и по сегодняшний день тело великого маэстро не найдено. Ну а именно 6 декабря, как мы упоминали выше, разыгралась драма на Грюнагерштрассе, 10, у Кофдемелей, что отодвинуло в сторону смерть Моцарта.

Констанца боялась кладбища, где похоронен ее муж, как черт ладана. И впервые смогла побывать на кладбище Св. Марка, где анонимно был похоронен Моцарт, только через... 17 лет! И то по совету венского писателя Георга Августа Гризингера (умер в 1828 году), побудившего ее второго мужа, Георга Ниссена, и Констанцу, а также Амадея Моцарта-младшего отправиться из Зальцбурга на кладбище в Вену, на могилу мужа и отца. И нужно было видеть, как вознегодовала вдова Моцарта (Констанца вновь в своей роли!), когда выяснилось, что никто не может указать место упокоения ее мужа и великого композитора. Скорее всего роль катализатора здесь сыграла ее чувствительность, которую она так и не смогла вытравить из сознания до конца дней своих.

...Само собой, никто точно не знает, когда, при каких обстоятельствах и в какой форме А.Сальери выдал «ордер на убийство» своему ученику. Скорее всего императорский и придворный капельмейстер в психологично точно угаданный момент предложил Зюсмайру вывести из игры, а то и просто устранить знаменитого кудесника звуков.

Ну а либретто оперы «Волшебная флейта» стало своеобразным проектом возмездия и в то же время отвлекающим маневром — так как подставлялись тайные ложи, законспирированные ордена, а сообразно с этим формировался так называемый «масонский след». И тут более чем реально мог руку приложить граф Вальзегг цу Штуппах. Склонный к зловещим играм всерьез, а не понарошку и, зная, что Моцарт — эзотерик, а его «Волшебная флейта» — гимн масонству, он мог предложить «штабу» единомышленников сатанинскую идею — использовать либретто оперы, а главное, символику и элементы обряда вольных каменщиков, которые декларировались в спектакле не только как бланш-карт, но и руководство к действию по устранению гения музыки В.А. Моцарта. Недаром после смерти знаменитого зальцбургца как граф Вальзегг цу Штуппах, так и его управляющий («серый посланец») Антон Лайтгег будто воды в рот набрали. Но «заговорщики» не ограничились тем, что подставляли «вольных каменщиков». Параллельно была запущена и «амурная» тема, в которой главную скрипку сыграла, а точнее — сдиржировала сама фрау Моцарт. А в некоторых «разработках» или, как сказали бы сегодня, создании «легенд» или «мифов» для формирования нужного общественного мнения она переплунула не только отдельных авторов заговора, но и весь стихийно сложившийся «аналитический центр» по уничтожению Вольфганга Амадея. В ее арсенале имелись нетрадиционные ходы, а также кое-что еще и похлестче...

Вполне понятно, что такую деликатную операцию, как ввод дозированных препаратов ртути, в одиночку было бы не провести. Таковым возможным соу-

частником мог быть все тот же зловещий граф Вальзегг цу Штуппах, который не только заказывал Реквием у Моцарта, но и музыку у А.Сальери да еще поддерживал с последним (это документально подтверждено) теснейшие контакты. Не исключено и то, что яд мог поступать и через Готфрида ван Свитена. Дело в том, что его отец, лейб-медик Герхард ван Свитен, с 1754 года начал практиковать лечение своей «настойкой ртути по Свитену», которая содержала от 0,25 до 0,5 грана сулемы, растворенной в водке. И стоило только в этой дозировке высокотоксичного соединения ртути переступить за порог на один знак вправо, как Моцарт в качестве «лекарства» принял бы сильнейший яд! С помощью малой дозировки, растянутой во времени, можно было добиться того, что в начальной стадии проявления отравления незаметно. Поэтому в случае с «отворотным зельем от Сальери» все выглядело даже безобидно. Посьланный Зюсмайр поставил разведенную жидкую соль ртути (сулема), которая подмешивалась им в еду или питье (а позже под видом лекарства) как символическая порча. На Моцарта подобная процедура как будто бы не действовала: он сочинял музыку, репетировал с оркестром, много выступал как музыкант или дирижер, давая свои «академии» в венском Кертнертортеатре. Но во время пребывания в Праге (с Констанцией и Зюсмайром) в августе-сентябре 1791 года для постановки оперы «Милосердие Тита» доза, по всей видимости, была завышена, что привело к усугублению кризиса. Кстати, в июле перед отъездом к Моцарту явился «серый посланец» с известием от анонимного заказчика (это и был тот самый Антон Лайтгег, управляющий графа Вальзегга цу Штуппах), отчего Моцарт пришел в неопишное волнение. Вряд ли только заказ Реквиема мог так потрясти композитора. Ниссен пишет так: «Да, о странном появлении и заказе неизвестного Моцарту выражал даже иные, весьма дикие мысли, а когда его пытались отвлечь от них, он замолчал, так и оставаясь при своем». Первый биограф великого композитора, Ф.К. Немечек, пишет по этому поводу: «Уже в Праге Моцарт послал неизвестному адресату письмо на итальянском языке, вероятнее всего либреттисту Лоренцо да Понте в Триест: «Моя голова раскалывается, разговаривая с трудом и не могу отогнать от глаз образ неизвестного. Постоянно вижу его перед собой, он умоляет, торопит, с нетерпением требует от меня работу. Продолжаю, потому что сочинение мне менее утомительно, нежели праздность. Впрочем, мне нечего опасаться. По всему чувству: час пробил; я готов умереть; я кончил прежде, чем воспользовался своим талантом. Жизнь была столь прекрасна, карьера начиналась при столь счастливых предзнаменованиях, но изменить собственную судьбу нельзя. Никому не изменить своих дней, нужно смириться. Пусть будет то, чего желает провидение...».

Последний раз в обществе В.Моцарт появился 18 ноября 1791 года. На освящении нового храма «Вновь увенчанная надежда» великий композитор продирижировал своей «лебединой песней» — небольшой масонской кантатой «Громко возвестим нашу радость», а 20 ноября слег в постель и больше не поднялся. Начали опухать руки, ноги, затем добавилась рвота. Зато сознание не покидало его. Как утверждал Г.Ниссен: «Болезнь его длилась 15 дней... За два часа до кончины он пребывал еще в полном сознании». Соглашаясь с биографом композитора, смеем заметить, что до лета 1791 года история болезни В.А. Моцарта была совершенно пуста. Как говорят современные исследователи-медики: указанная выше симптоматика указывает на острое отравление ртутью.

Так как тело покойного начало быстро разлагаться, что однозначно указывает на нефроз, вызванный систематическим

отравлением ртутью, то не стали выдерживать положенные 48 часов, а на другой день похоронили в «могиле для бродяг», которую почему-то никому не пришло в голову... пометить. Более того, среди старых венских музыкантов стойко держалась следующая жуткая история. Будто бы гроб с телом Моцарта отпели не в храме Св. Стефана, а у входа в Крестовую капеллу, прилегающую к недостроенной (из-за вмешательства дьявола, как гласит легенда) северной башне храма. А затем, когда сопровождавшие удалились, гроб с телом внесли внутрь и, прошествовав перед Распятием, вынесли прах великого музыканта уже через другой выход, ведущий прямоком в катакомбы, где хоронили людей, умерших во время эпидемии чумы (в память возведена «чумная колонна», а улица над катакомбами так и называется «Могилы»). А что же было дальше? — традиционно поинтересовались у старейших маэстро. Те лишь пожимали плечами, а один маститый композитор без обиняков заявил: дескать, уж очень многие были в этом заинтересованы.

Спустя несколько дней австрийские, а затем европейские газеты зафестрировали краткими проходными сообщениями о кончине «композитора, известного всей Европе редкостным своим талантом», «достигшего наивысшего мастерства» и так далее. Но только в берлинской «Музыкальной еженедельной газете» от 12 декабря 1791 года прозвучали совсем не благостные слова, а совершенно прямой указ на криминал:

«Моцарт скончался. Он вернулся домой из Праги больным и с той поры слабел, чах с каждым днем: полагали, что у него водянка, он умер в Вене в конце прошлой недели. Так как тело его после смерти сильно распухло, предполагают даже, что он был отравлен».

Отношения Констанцы и Зюсмайра кончались естественным разрывом их отношений, поскольку у любовников оказались на удивление схожие характеры. Она за одну ночь «стала вдовой знаменитости и вскоре принялась за поиски нового мужа», как заметил один современный Вздет же нашего провинциала из Верхней Австрии был запрограммирован, он вновь с А.Сальери. Правда, до 1792 года, пока его дорога не разошлась с Констанцией, он имел неограниченный доступ к наследию великого Моцарта. И с этого же года Зюсмайр становится модным композитором в Вене, что без усилий Констанцы вряд ли было возможно. Прошло каких-нибудь 12 лет, и Франц Ксавер неожиданно стал чухнуть. Слов нет, его ранняя смерть кажется загадочной. «Холера», проставленная в посмертном эпитафийе, представляется более чем сомнительным заключением, особенно на фоне медленного, длившегося несколько лет угасания. Пока наконец Франц Ксавер Зюсмайр не умер в 1803 году в возрасте 37 лет. Это так похоже на почерк Констанцы. Не ее ли рук это дело, когда наша «леди Макбет» Венского уезда решилась на то, чтобы покарать бывшего любовника. И отделаться параллельно от изменника, который к тому же очень много знал компрометирующего ее как вдову великого композитора? Жена Моцарта, проявившая после смерти мужа чрезвычайную активность и поразительную инициативу (на благо себя), в течение 50 лет, на которые Констанца пережила Вольфганга Амадея, она не только уничтожила письма, но и надежно захоронила все, что каким-то образом могло скомпрометировать ее саму, семью, а также активно содействовала созданию извращенного образа Моцарта, себя при этом представляя неизменно с лучшей стороны.

А потому хочется воскликнуть во весь голос: Господи! Что таилось в глубинах души этой женщины?!

г. ОБНИНСК
Калужская обл.